

ЖАНРОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-47-63

С. И. Якимова¹

Тихоокеанский государственный университет

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ-ЕВРАЗИЙЦА

Статья посвящена рассмотрению жанрово-тематических особенностей поэтического дискурса Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), представителя дальневосточной эмиграции (1920–1940-е гг.), в контексте влияния, с одной стороны, традиций русской классической поэзии и философско-эстетических исканий деятелей Серебряного века, с другой стороны, философии и культуры Китая, страны, принявшей изгнанников из России. Автор статьи, выявляя приверженность поэтического дискурса Вс. Н. Иванова античной мифологической культуре, как одной из фундаментальных основ европейской культуры и русской классики, дополняет его характеристику рассмотрением поэтического наследия Вс. Н. Иванова-евразийца в контексте диалога культуры Запада и Востока.

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов (1888–1971), поэтический дискурс, дальневосточное зарубежье, традиции, новаторство, античность, русская классика, серебряный век, евразийство, культура Запада и Востока

S. I. Yakimova

Pacific State University

POETIC DISCOURSE OF VSEVOLOD NIKANOROVICH IVANOV IN THE CONTEXT OF HISTORIOSOPHICAL VIEWS OF THE EURASIAN WRITER

The article is devoted to the consideration of the genre and thematic features of the poetic discourse of Vsevolod Nikanorovich Ivanov (1888–1971), a representative of the Far Eastern emigration (1920–1940s) in the context of the influence, on the one hand, of the traditions of Russian classical poetry and the philosophical and aesthetic searches of the Silver Age figures, on the other hand, the philosophy and culture of China, the country that received the exiles from Russia. The author of the article, revealing the commitment to the poetic discourse of Vs. N. Ivanov to ancient mythological culture, as one of the fundamental foundations of European culture and Russian classics, complements his characterization by considering the poetic heritage of Vs. N. Ivanov-Eurasian in the context of the dialogue between the cultures of the West and the East.

Keywords: Vs. N. Ivanov (1888–1971), poetic discourse, Far East abroad, traditions, innovation, antiquity, Russian classics, silver Age, Eurasianism, culture of the West and the East

¹ Светлана Ивановна Якимова – доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), 005563@pnu.edu.ru

Поэтический дискурс – понятие, активно внедряемое современными отечественными исследователями художественного дискурса, осуществляющими комплексное изучение сложной, вместе с тем поступательной динамики идейно-художественного своеобразия русской поэзии в социокультурном контексте XX века. Особенность этого понятия обусловлена интерактивностью исторического и социокультурного процессов, воплощенных в поэтических текстах. Опираясь на характеристику этого понятия, данную исследователем П. А. Ковалевым, отметим, что поэтический дискурс, как особый вид дискурса, представляет собой *«сложную нелинейно организованную систему поэтических текстов, образно-речевые элементы которой составляют интегративное и связанное единство языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств»*² [Ковалев, 2013, с. 76].

Изучение авторского поэтического дискурса как монолита, созданного на основе фундаментальных воззрений поэта, представителя национальной культуры определенного периода истории, способствует концептуализации художественного образа эпохи через призму индивидуального культурно-мировоззренческого опыта автора, выявлению уникального синтеза рационального и эмоционального.

Философско-эстетические воззрения писателя-евразийца Вс. Н. Иванова обусловили специфику созданной им аксиологической поэтической картины мира в один из переломных, кризисных моментов русской истории. Жанрово-тематический подход как один из аспектов анализа интегративного единства присутствующих поэтическому дискурсу свойств и характеристик, отражая неразрывность содержания и формы произведения искусства, актуализирует концептуальность поэтического контента писателя в контексте всего его литературного творчества.

Духовно-нравственным импульсом интереса Вс. Н. Иванова к евразийству стало рано возникшее в будущем писателе чувство истории, ощущение личной причастности к ней. Евразийские взгляды, послужившие фундаментом творческой интеграции философско-эстетических, культурных парадигм Запада и Востока в поэтическом дискурсе Вс. Н. Иванова, развернуто и системно изложены писателем-мыслителем в историко-философском эссе «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926), написанном в жанре философско-исторической публицистики. В предисловии к книге автор убедительно и художественно выразительно обосновывает свои философско-эстетические приоритеты: *«...движение евразийцев должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми. Из их исследований веет душистостью степей и пряными запахами Востока. <...> Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя»* [Иванов, 1926, с. 15]. Высокую оценку этой книге Вс. Н. Иванова дал известный в среде русской эмиграции профессор П. Бицилли: *«Вообще, по духу, по настроениям и влечениям, автор, быть может, сам того не сознавая, гуманист, возрожденец, «эллин», – даже слишком»* [Бицилли, 1926, с. 493].

² Курсив здесь и далее наш. – С. Я.

В 1920-е годы, находясь в эмиграции в Китае, Вс. Н. Иванов указывал на необходимость изучения азиатской составляющей как принципиально важной для развития русской истории и культуры, поскольку Россия, по утверждению евразийцев, одинаково принадлежит как Европе, так и Азии. Теоретические обобщения Иванова-историка в этой работе концептуализируют все его художественное творчество, а темы русской и китайской истории, главные темы всего корпуса его художественных произведений, характеризуют идейно-художественную целостность концепции писателя, поэта и прозаика.

Выбор поэтического дискурса в самом начале своего творческого пути, как одного из эффективных способов творческой самореализации поэта и ученого, обосновывается Вс. Н. Ивановым в другом его научном труде «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933): *«Еще знаменательнее мир поэзии, пишет Иванов. – Он не менее существенен, нежели мир прозы, напротив гораздо более реален. Еще Сократ сравнивал поэтов с оракулами, потому что поэты, как и оракулы, не знают, что говорят, и в то же время говорят истину. <...> Они как бы видят самым удивительным образом всю структуру будущего, видят ее в образах, которые охватывают собой и предвосхищают собой наши все инвенции»* [Иванов, 1933, с. 125].

Тема истории, являясь одной из фундаментальных в евразийстве, заняла важное место в поэтическом дискурсе Вс. Н. Иванова, существенно расширяя диапазон многоаспектного изучения глубинной амбивалентной связи России с культурой Востока и Запада. Для поэтического исследования поворотных и узловых моментов истории России, повлиявших на ее судьбу и определивших особый путь страны, поэт актуализирует жанр сонета с его масштабностью проблематики и глубокой философичностью. По замечанию И. Ю. Ковальчук, именно сонеты в творчестве Вс. Н. Иванова стали *«живым свидетельством эпохи в ее непрерывной связи с давно минувшим»* [Ковальчук, 2012, с. 298]. Известный в дальневосточной и в западноевропейской эмиграции поэт А. И. Несмелов в своей рецензии на публикацию сонетов Вс. Н. Иванова в Харбине в 1929 году, высоко оценивая их, характеризует *«такую манеру писания стихов <...> историческим реализмом в поэзии»* [Несмелов, 2008, с. 12].

Поэтический экскурс в прошлое Вс. Н. Иванов начинает с глобальной истории в сонете «Ампир», опубликованном в литературном, научном и политическом ежемесячном журнале «Русское обозрение» (Пекин-Харбин, 1921), где воссоздает художественно достоверную картину европейской культуры первой трети XIX века, периода исторического художественного стиля ампир, завершившего этап высокого классицизма. Философское осмысление наполеоновской эпохи предстает в сонете как период заблуждений и иллюзий, когда трагически прервалась глубинная связь времен и на смену реальности пришел мир иллюзорный: *«Когда обманутый философами мир, // Взыскав по богам, создал Наполеона, // Среди шатких ступеней недедовского трона // Взойшел, как белый цвет, изысканный Ампир»* [Иванов, 1921, – № 1–2, с. 154]. Характеризуя ампир как

стиль «изысканный», поэт через ироничное сравнение делает акцент на внешней привлекательности этого вычурного стиля, по сути жесткого и холодного. Европейская аксиологическая картина мира посредством авторской тонкой иронии подвергается переосмыслению, приобретает сниженную окраску, развенчивая иллюзорность материальных ценностей: *«Верны высокому, медлительные девы // На пестрых кошельках вторят венков напевы, // В цветистом бисере живет еще Давид»* [Иванов, 1921, – № 1–2, с. 154]. Мир духовный повержен миром материальным, он переходит в разряд вторичных. Запад, переживающий упадок и кризис, в контексте евразийской картины мира уступает пальму первенства Востоку: *«Но, вместо Греции, Парижа и Ваграма, // Под ветром Скифии дрожит ночная рама, // И тусклая свеча, как золото, горит»* [Иванов, 1921, – № 1–2, с. 154]. Образ свечи, горящей наперекор всему, в завершающем терцете сонета отражает исторический оптимизм лирического героя-евразийца. Короткий период ампира, олицетворяющий кризис и историческое заблуждение, предстает созвучным периоду идейного, духовно-нравственного раскола России рубежа 1920-х годов.

В поэзии Вс. Н. Иванова, философа и историка по образованию, художественный историзм интегрируется с научным, повышая художественную достоверность изображаемых картин общественной и духовной жизни России поэтически исследуемого периода ее истории. Соотнесенность чувства истории с чувством современности, передаваемая через образ лирического героя, соединяет реальные факты художественно воссоздаваемого времени с авторской оценкой описываемого, отражая философско-эстетические и этические идеалы эпохи, создавая уникальный, поэтически оригинальный образ эпохи.

Целую серию сонетов Вс. Н. Иванов посвятил эпохам правителей России, на время правления которых выпали кризисные, переломные события. Сонет «Углич», созданный Вс. Н. Ивановым на пороге эмиграции, во Владивостоке, воссоздает драматическую борьбу за российский престол в период правления Бориса Годунова, когда жертвами становятся потенциальные престолонаследники Ивана Грозного. Воссоздание трагической страницы русской истории, связанной со странной гибелью восьмилетнего младшего сына Ивана Грозного, Дмитрия Ивановича, во время коллективной детской игры в свайку (название игры. – С. Я.) в 1591 г. в Угличе, выступает исторически значимым поводом для нравственно-философских раздумий автора сонета в контексте событий современности. Конкретные, точные описания всех участников этого трагического происшествия, исторической обстановки создают детально точный образ эпохи, раскрывают социально-политические и нравственные аспекты бытия в их столкновении и противостоянии. Концепты-дилеммы: народ и власть, семья и государство, политика и мораль – в центре внимания автора сонета. Сонет открывается описанием внешней картины эпохи, создаваемой чередованием постоянных и метафорических эпитетов: *«Набата стон надрывный, быстрый, тощий // По полудне зовет к себе народ. // Старуха нищая повойник с ревом*

рвет. // Сверкая пятками, народ валит на площадь» [Иванов, 1922, – № 286, с. 3]. Приоритет общечеловеческих ценностей, семейных связей трагическим аккордом завершает поэтическую эволюцию переживаний лирического героя в последнем терцете: *«Вой мамок, девушек. Царица их не слышит. // Вся подалась вперед, смотрит, как сын не дышит. // Как с шейки в сторону отквачено лицо»* [Иванов, 1922, – № 286, с. 3].

В сонетах Вс. Н. Иванова на исторические темы «Царь Фёдор», «Екатерина» перед читателем разворачиваются картины великих исторических испытаний, выпавших на долю России в далеком прошлом, которые сформировали основы ее национальной самобытности, силы духа ее народа. Именно они, убежден автор, призваны были стать истоками духовной силы для ответа на вызовы современной ему эпохи. Героями этих сонетов Вс. Н. Иванова становятся значимые и знаковые личности правителей России, сыгравшие важную роль в поступательном развитии страны, получившие неоднозначную, противоречивую оценку историков. Сонет «Царь Федор» приоткрывает мало освещенную страницу русской истории, период правления последнего представителя московской ветви династии Рюриковичей, Федора I Ивановича, царя Московского (1584–1598). Получивший прозвище «Блаженный», Федор I Иванович существенно укрепил позиции Руси, основав города-крепости на юге (Воронеж, Самара, Царицын), продолжил освоение Сибири строительством городов (Тюмень, Тобольск). В период его правления на Руси было учреждено патриаршество.

Яркой особенностью сонетов Вс. Н. Иванова о русской истории является погруженность автора в историческую атмосферу, воссоздание её в мельчайших подробностях и деталях жизни и быта. На своеобразии индивидуального художественного стиля Вс. Н. Иванова, как бытописателя и пейзажиста, указывала еще эмигрантская критика: *«Вещи и особенно краски привлекают его больше, чем люди и их духовный мир. Благодаря этому, творчество его поразительно вещественно и пластично. Если о чьём-то влиянии на Иванова и можно говорить, то это влияние не писателей, а художников: Сомова и Кустодиева»* [Штерн, 1931, с. 185]. Вс. Н. Иванов через точную детализацию исторической обстановки посредством поэтического дискурса восполняет значимые «белые» пятна русской истории.

Основы поэтической системы Вс. Н. Иванова сформировались в условиях Серебряного века, на расцвет которого пришлись годы его юности. Не принадлежа к какому-то определенному литературному направлению начала XX века, Иванов знал и высоко ценил творчество выдающихся символистов Вячеслава Иванова, Александра Блока, соотносил с ними свои творческие устремления. Выстраивая художественную систему на основе эстетических и философских принципов Античности (идея «чистого искусства», первостепенная роль искусства и красоты в жизни, идея вечного возвращения и др.), символисты не только вдохновлялись и использовали ее мифологические образы и сюжеты, но и сами создавали мифы о писателях-классиках (М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой,

Ф. М. Достоевский и др.).

О своей встрече с Вяч. Ивановым осенью 1918 г. в Москве Вс. Н. Иванов напишет в конце своей жизни в «Воспоминаниях». На той встрече Вс. Н. Иванов был удостоен за свои сонеты *«теплой похвалы великого мастера (Вяч. Иванова. – С. Я.): он сравнил их с сонетами Жозе Марья де Эредиа»* [Иванов, 1993, – № 11, с. 78]. Среди прочитанных был сонет Вс. Н. Иванова «Клио», обращенный к его главной музе, музе истории: *«Листы истории хранят в себе былое, // Как блеклые листы тончайший аромат. // И медные мечи особенно гремят // У врат разрушенной, богам не милой Трои»* [Иванов, 1993, – № 11, с. 77].

Античная героика, патетически воссоздаваемая в этом сонете посредством поэтической апелляции к античной дихотомии аполлонического и дионисийского начала, продуктивно актуализированной поэтами Серебряного века, способствует формированию экзистенциального пафоса, трагического, вместе с тем поступательного. Концептуальные образы античной поэзии и мифологии (циклопы; красота классических Елен; любовь, открытая нестыдливо; изваянная Клио) раскрывают формы бытия в их устремлении к прекрасному, а безмолвие внешнего мира отражает невыразимый внутренний трагизм бытия. Финальный терцет передает мироощущение, рождаемое интеграцией рационального и иррационального: *«Всё образует длинный коридор, // В конце которого струит безмолвно взор // На вопрошателя изваянная Клио...»* [Иванов, 1993, – № 11, с. 77].

История, как критерий истины, становится одним из ключевых концептов и нравственно-философских категорий в системе воззрений Вс. Н. Иванова и одним из главных художественных образов. В данном контексте культура античности выступает индикатором содержания и формы, их гармонии.

Жизнь между Харбином и Владивостоком в период с весны 1920 г. до середины осени 1922 г. стала в жизни Вс. Н. Иванова временем важных перемен во взглядах на мир. Предшествующие этому периоду 1917-й, 1918-й, 1919-й годы Вс. Н. Иванов считал своими «университетами», когда он переживал творческое брожение, не прекращавшиеся духовные поиски, поэтически запечатленные в «Воспоминаниях»: *«Вы помните греков, их горе? // Они и их царь Одиссей // Вот так же сидели у моря, // Как мы – у шумящих зыбей. // Как просты их контуры жизни! // Пшеница, свинина, вино. // И только тоской по отчизне // Их бедное сердце полно!»* [Иванов, 1995, – № 1, с. 11]. Созвучие аксиологических идеалов античной картины мира и современной Вс. Н. Иванову эпохи актуализирует ценность культуры античности, повышает ее значимость и востребованность современным искусством.

Более полная картина мироздания предстает в сонетном триптихе Вс. Н. Иванова «Три сонета: Видение. Дьявол. Финикия», опубликованном в литературно-художественном ежемесячнике «Окно», созданном в 1920 году в Харбине по инициативе футуристов, участников художественной студии «Кольцо». Через образы далекой античности триптих передает мироощущение лирического героя, современника событий духовного и нравственного раскола России в годы Граждан-

ской войны, хаотическое и глубоко потрясенное. Противостояние Хаоса и Космоса, дионисийского и аполлонического начала отражает, с одной стороны, апокалипсичность настоящего, а с другой, присущий жизни оптимизм и веру в преодоление Хаоса и дисгармонии. Цикл воплощает в себе античное представление об искусстве как действенной, созидательной силе. Авторы журнала объединяет вера в спасительную силу искусства, которое одно только и может спасти мир от безумства, удержать его от падения в бездну мрака и тьмы: *«Искусство – над пушкой и над лафетом. Оно – небо жизни»* [Окно, 1920, – № 1, с. 3].

Этот сонетный цикл через античную дихотомию извечной борьбы рационального и иррационального, света и тьмы, сил созидания и разрушения поэтически убедительно иллюстрирует редакционную политику журнала «Окно», в первом номере которого этот цикл был опубликован: *«В дыму пожара и в прозрачном затишье дня; в утренней прохладе и в осыпающемся золоте вечера – таится одна вечная, неизменная, мудрая благодать Смысла и Красоты. Сегодняшний день невиданно-ужасен, но он таит в себе и невиданно-плодородные Нови. <...> нужно только уметь расслышать сквозь шипенье пылающих бревен ликующие свирели Рассвета»* [Окно, 1920, – № 1, с. 3–4].

Открывающий триптих сонет «Видение» воссоздает картину мира иллюзорного, наполненного безумием, торжеством плоти над духом: *«Был виден звездный шар, гирляндой перевитый // Кентавров скачущих, амуров, полных жен, // <...> Дышала музыкой и восклицаниями плоть, // И пьяный шествовал торжественный Господь, // Рыгая и неся упитанное бремя»* [Окно, 1920, – № 1, с. 12]. Но главенство дионисийского начала в двух катренах и первом терцете – не абсолютно, хотя и масштабно. Финальный терцет открывает светлые, аполлонические горизонты через образы небесной гармонии и неостановимую поступательность жизни: *«А звездный синий шар, кружась наперекор, // Гармонией небес крепил веселый хор, // И звездные лучи указывали время»* [Окно, 1920, – № 1, с. 12].

Второй сонет этого триптиха под названием «Дьявол» обращен к образу, занимающему особое место в системе мифологических персонажей, отражает изменения в художественном воплощении образа носителя зла в период смены культурной парадигмы в истории культуры, когда образ мира как Космоса трансформировался в представление о мире как Хаосе. Поэты Серебряного века через обращение к теме демонизма, как силе, противоположной божественной, актуализируют идею целостности бытия, тем самым эстетически оправдывают присутствие демонического в мире. Демоническое, как необходимое условие существования мира, становится достойным поэтического внимания и художественного отражения. Дьявольское, демоническое в художественной культуре рубежа XX и XXI веков приобретает поэтический характер, отражая преемственную связь с ранним символизмом, культурной памятью народа. Образ дьявола в поэзии приобретает эстетический характер, он наделяется некоторыми явными атрибутами Бога.

Создаваемый в сонете Вс. Н. Иванова образ дьявола и внешне, и внутренне

противоположен традиционно отрицательному образу носителю зла: «Я видел дьявола безрогим, нехвостатым. // *Artilex taximus, он строил на песке, // Развертывал миры на грифельной доске, // Не зная удержку ученийшим цитатам*» [Окно, 1920, – № 1, с. 13]. Во втором катрене образ дьявола поэтизируется, предстает духовно близким, родственным лирическому герою: «В поношенном пальто, с воротником поднятым, // С почтенной сединой на ссохшемся виске, // По мокрой мостовой шагая належке, // В тумане осени он мне казался братом» [Окно, 1920, – № 1, с. 13]. Обретающий в сонете положительные очертания образ дьявола наделяется социальной значимостью как спасительная сила, разжигающая огонь подлинной жизни для мира, погрязшего в безмерном буйстве и грехе. Финальный терцет сонета через образ пробывающихся из земных недр, с участием темных, дьявольских сил, огней передает предчувствие грядущего обновления мира: «А город под дождем ворочался, как спрут, // В час изумительный, когда огни зажгут, // И тлеют, мутные, подземною изгрой» [Окно, 1920, – № 1, с. 14]. Дьявол призван вернуть в мир гармонию и красоту.

Сонет «Финикия», композиционно и концептуально завершающий поэтический дискурс триптиха, передает надежду лирического героя на неизбежное преодоление кризиса, катастрофической прерывистости мира, за которыми откроются новые, светлые дали. Будущее в сонете ассоциируется с одним из легендарных античных полисов-государств Древней Греции, Финикией, название которого буквально означает «страна пурпура». Именно финикийцы первыми научились добывать пурпур, краситель различных оттенков от черного до темно-фиолетового, который извлекали из морских брюхоногих моллюсков, иглянок. Эталоном красоты у финикийцев считалась финиковая пальма. Финикийцы создали особый подтип государства, талассократическую цивилизацию, в которой, в силу дефицита территории, продуктивно развивались разные виды ремесел, морская торговля, существовала богатая культура, поступательное развитие которой было сопряжено с борьбой двух противоположных начал, аполлонического и дионисийского. Сонет передает нерасторжимость этих начал, взаимную противоположность и вместе с тем близость этих контрастных принципов: «Богослужение таинственным богам, // Как всё таинственно в тебе, о Финикия! // Падет багряный день в зеркальности морския, // И розами костров означен горний храм» [Окно, 1920, – № 1, с. 14]. Созданный Вс. Н. Ивановым в атмосфере драматических событий Гражданской войны, расколовшей страну на сторонников и противников большевизма, в условиях формирования новых аксиологических парадигм, сонетный триптих отражает приверженность автора фундаментальным гуманистическим основам античного искусства.

Сонет, как канонический, высокий поэтический жанр, не случайно стал ведущим в поэтическом дискурсе Вс. Н. Иванова, связанном с философско-эстетическими, духовно-нравственными исканиями писателя-мыслителя в контексте идейного и духовного раскола русской культуры вследствие событий Октября 1917 года. Сформировавшиеся в далекой античности фундаментальные

основы искусства, как одного из главных видов человеческой деятельности, нацеленной на сохранение красоты и гармонизации жизни через поэтическое творчество с его высокой интуитивностью и провидением, актуализируются в поэтическом дискурсе Вс. Н. Иванова посредством высокого поэтического жанра сонета.

Написанные Вс. Н. Ивановым поэтические произведения о современности в жанре сонета отражают масштабные искания русской интеллигенции, не принявшей идеалов Октябрьской революции 1917 года. Обращение поэта к каноническому жанру сонета обусловлено необходимостью глубинного осмысления новой, большевистской аксиологической картины мира в рамках осуществлявшейся трансформации нравственно-философских основ бытия. Включение актуальной социальной проблематики в поэтический дискурс стало новаторством поэта-исследователя и публициста в осмыслении реальности. Масштабность и существенность социокультурных перемен периода Гражданской войны способствовали рождению сонета социально-политического содержания. Большое внимание в сонетном творчестве данной тематике уделяли русские символисты, своими исканиями оказавшие заметное влияние на поэтическое творчество Вс. Н. Иванова. Так, новаторскими стали вошедшие в поэтическую практику Серебряного века своеобразные состязания в неканонических ответных сонетах по актуальным проблемам творчества, в которых участвовали Вяч. Иванов, считавшийся вождем «реалистического символизма», а также М. Волошин, В. Брюсов и другие.

Образ лирического героя в сонетах Вс. Н. Иванова в контексте философско-поэтического осмысления актуальной социокультурной реальности раскрывается через синтез художественной изобразительности и достоверной повествовательности, что во многом обуславливает своеобразие изучаемого поэтического дискурса. В недолгий период работы в должности младшего ассистента кафедры энциклопедии права в Пермском филиале Санкт-Петербургского университета жизнь свела Вс. Н. Иванова с благодатным окружением молодых ученых из университетов Москвы и Санкт-Петербурга. Среди них – один из основоположников идейно-политического течения сменовеховства Н. В. Устрялов, политический деятель, правовед, философ; Д. В. Болдырев, приват-доцент историко-филологического факультета Пермского университета; Л. В. Успенский, публицист, филолог, переводчик, журналист.

По воспоминаниям Вс. Н. Иванова, один из его сонетов, «Заседание», родился в атмосфере ночных бдений преподавателей Пермского университета, вынужденных весной 1918 года скрываться от повальных большевистских арестов на чужих квартирах. Автор, участник одного из таких ночных заседаний, на котором обсуждалась проблема Софии, Премудрости Божией, посвятил этот сонет философу, ученому, публицисту, организатору дружин Святого Креста в поддержку политики А. В. Колчака в Омске, Д. В. Болдыреву: *«Свет электрический, притухший, с краснотой, // И лица бледные – встревожены и строги. // Как будто светлый рай покинувшие боги // Судьбою кинуты здесь в трудный*

мир земной» [Иванов, 1993, – № 11, с. 62]. Воплощенная в антитетических образах («светлый рай», «боги» и «мир земной», «мух докучный рой») борьба света и тьмы передает напряженность и драматизм противостояния политических сил, вместе с тем упорство и настойчивость исканий русской интеллигенции («... *крылатая София, // Над Русью бедною державный правя лёт*»). Вечная святость Премудрой Софии заключает в себе высокий философский, жизнеутверждающий пафос и безусловную веру в победу добра и света. Социокультурный контекст масштабирует создаваемый поэтический образ мира, повышает значимость и ценность философско-эстетических воззрений лирического героя, личности интеллектуально и духовно развитой.

Поэтический дискурс Вс. Н. Иванова получил творческое развитие в серии сонетов на социально-политические темы, запечатлевших трагическое мироощущение лирического героя, участника идейно-политического противостояния сторонников и противников большевизма. В сонете «Междоусобие», написанном Вс. Н. Ивановым в 1919 году под Оханском (административный центр Пермского края, основанный в конце XVI века династией Строгановых), на фоне метафорически созданного, с использованием натуралистических элементов, трагического образа Гражданской войны («*Свинцовых низких туч влекутся волоса // Над тусклым заревом осеннего заката. // Нагими трупами земля отцов проклята. // Малиновая их чеканит полоса*»), войны братоубийственной («*Дорогой неживой идут два разных брата*»), представлены два антитетичных миропонимания и мироотношения [Иванов, 1921, – № 31, с. 3]. Жестокость, нервозность, высокомерие нового мира противостоит сиянию мира вечного, благословляемого Богом. Жанр сонета выводит социально-политическую проблематику на уровень философского звучания общечеловеческих проблем гуманизма, жизни и смерти.

Другой сонет Вс. Н. Иванова с натуралистическим названием «Трупы» воссоздает реальную картину отступления армии А. В. Колчака на «восток обетованный», в Приморье, которое стало предтечей русской эмиграции в Китай. Правдивая и жесткая картина реальности, в деталях рисующая в первом катрене физиологическую жестокость Гражданской войны, дополняется философским осмыслением в терцетах: «*Их было несколько, погруженных в саях. // В раздробленном лице в крови белели зубы, // И рядом мертвый снег садился прямо в губы, // И звездами сиял на восковых деснах. // ... И гибель их, как жизнь, казалась так проста, // Что взорами судьбы, как пыльца снежных лилий. // Стерта меж нами грань без роковых усилий, // Бессмертье породив из смертного креста*» [Иванов, 1922, – № 213, с. 2]. Жизненно достоверная основа философско-поэтического дискурса Вс. Н. Иванова делает его ценным художественным документом эпохи, сохраняющим свою актуальность для будущих поколений.

В универсальном, многожанровом творчестве Вс. Н. Иванова поэтический дискурс часто интегрируется с прозаическим, художественным или документально-художественным, создавая многоаспектную картину бытия в один из его драматических периодов. Так, сонет «Трупы» дополняет документально-

художественную картину реальности, описанную автором в его очерковой книге «В гражданской войне: из записок омского журналиста» (Харбин, 1921), воссозданием внутренней динамики жизни периода Гражданской войны как трагического, экзистенциального существования.

Поэтический дискурс сонета Вс. Н. Иванова «Демократия» переносит читателя от созерцания трагедийной событийности, от повествовательности в идейно-философский формат раздумий о фундаментальных категориях национального самосознания, генерализируя образ лирического героя концептуальным мотивом тоски: *«Народной глубины извечная стихия! // Для слуха тонкого несносен зычный рев, // И рдяный дым от труб огромных городов, // И вопли бунтаря, и площади пустые. // ... Как отдаленный хруст морских живых валов, // Твой сладостен отгул, моя Демократия»* [Иванов, 1921, – № 116, с. 2]. Ключевые образы-концепты, выделенные поэтом прописной буквой (Демократия, Народ, Природа), характеризуют демократизм взглядов лирического героя, воспринимающего весь трагизм происходящего как свидетельство *«Об силе божеской живущего Народа»* [Иванов, 1921, – № 116, с. 2].

Сонет «В бегстве» родился в сознании Вс. Н. Иванова в ночь на 23 октября 1922 года на теплоходе «Фузан-мару», на котором он покидал Владивосток, а вместе с тем и Родину на двадцать с лишним лет. Дорогу до корейского порта Гензан Вс. Н. Иванов коротал с дипломатом П. А. Рогальским, которому и посвящен данный сонет. Построенный в форме диалога лирического героя, автора стихотворения, со своим старым приятелем, дипломатом и барином по образу жизни, содержит элементы репортажа, которые придают описываемым событиям высокую степень достоверности и убедительности, усиливают драматизм. Отъезд в эмиграцию предстает как вынужденное бегство от большевизма за пределы Родины. Используемый прием антитезы определяет идейно-композиционную структуру сонета, в котором лирический герой прощается со своим прошлым, существенно контрастирующим с созерцаемой реальностью: *«Мы с вами говорим, мой милый дипломат // В поношенном пальто, где мех протерт до кожи, // О днях промчавшихся, что вовсе не похожи // На те, которые нас столь собой томят»* [Иванов, 1995, – № 1, с. 84]. Небрежность по отношению к своей одежде, внешнему облику, вовсе не характерные для привычного облика русского барина, отражают глобальность затронувших фундаментальные основы бытия перемен, кризис в умах и сердцах. Даже воспоминания под корейскую водку о веселых развлечениях, картинах Испании не отвлекают приятелей от суровой реальности, соотносимой в сонете с образом ночи, которую прорезывает подмигивающий *«... нам язвительный маяк»* [Иванов, 1995, – № 1, с. 84]. Неизвестность, тревога и смятенность, характеризующие внутренний мир лирического героя-изгнанника, вместе с тем мобилизуют его на противостояние миру мрака и тьмы. Поэтический дискурс сонета «В бегстве» дополняется картинами реальности в записках журналиста Вс. Н. Иванова «Крах белого Приморья» (Тяньцзин, 1927), концептуализируя художественное и документально-художественное исследование современности

в контексте истории России, тесно связанной и с Западом, и с Востоком.

Тема Востока вошла в сознание будущего поэта еще в гимназический период, когда о событиях русско-японской войны писали все газеты. Представления Вс. Н. Иванова о таких далеких странах, как Китай и Япония, формировались продолжительное время, в них постепенно рассеивались заблуждения и стереотипы, укреплялись евразийские воззрения.

Социокультурные обстоятельства, связанные с поражением армии Колчака в Гражданской войне и «ледовым» переходом ее остатков и мирных беженцев из Омска во Владивосток, географически приближали Вс. Н. Иванова к Востоку. В 1920 году, находясь на последнем островке России, во Владивостоке, Вс. Н. Иванов продолжил изучение Востока как поэт, многоаспектно, через разные жанровые формы поэзии исследуя пространство новой для него и большинства россиян культуры.

Ориентальная проблематика, являясь важнейшим аспектом евразийской картины мира, стала одним из главных направлений поэтического творчества Вс. Н. Иванова, богатого в жанровом отношении. Одним из первых предвестников темы Востока в творчестве Вс. Н. Иванова стало его стихотворение в прозе с непоэтическим названием «Петропавловск», воссоздающее духовную атмосферу противостояния Белой армии под командованием адмирала А. В. Колчака и Рабоче-крестьянской Красной армии в Петропавловском округе Омской губернии, завершившееся в ноябре 1919 года поражением армии Колчака: *«На небе серые тучи, на платье – серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается – дикий ветер степной. <...> И вот он уходит, уходит, уходит ... на восток, на восток»* [Иванов, 1919, – № 115, с. 3]. Последовавшее отступление армии Колчака на восток «обетованный», сначала российский Дальний Восток, а затем зарубежный Азиатский восток, послужило дальнейшему постижению писателем-мыслителем философии и культуры Востока, исторически глубинно связанного с Россией, русской художественной мыслью.

В начале 1920-х годов, в преддверии эмиграции проживая во Владивостоке, Вс. Н. Иванов, активно занимавшийся не только политической, но творческой, журналистской деятельностью, опубликовал в литературно-художественном приложении к газете «Русский край» свои первые стихи о малознакомом для российского читателя Китае, его народе и культуре. Поэтический текст его стихотворений «Голубой дракон» и «Китайцы» через мировосприятие лирического героя-россиянина отражает первые впечатления от знакомства с особенностями культуры этого древнего народа, его традициями и ценностями. Отношение к труду, как к единству материального и духовного, основанному на идее гармонии человека и природы, отражено в картинах одухотворенного труда, народных праздниках. Стихотворение «Голубой дракон» знакомит с одним из концептуальных в культуре востока образом дракона: *«Как само небо древний, // Царственный синий дракон»* [Иванов, 1921а, – № 137, с. 2]. Синий дракон, олицетворяя голубое

небо и покровительствуя человеку в его духовно-созидательной деятельности, выступает и символом весны, пробуждения природы. Написанное в годы разрухи и хаоса Гражданской войны, стихотворение передает экзистенциальную тоску лирического героя о гармонии человека и мира, философские искания научной и творческой мысли российской интеллигенции.

Стихотворение «Китайцы» воссоздает детальную картину одного из главных, традиционных праздников народа Китая, праздника фонарей: *«Китайцы ходят с фонарями, // С большими, красными, как луны, // Что над китайскими полями // Вписали огненные руны»* [Иванов, 1921б, – № 137, с. 2]. Праздник фонарей связан с плодородием, тысячелетней земледельческой культурой народа Китая. Красными фонарями люди воздают благодарение Небу, как основе мироздания, и Дракону, его олицетворяющему: *«Суровы древние законы, // И потому покой их мирен: // Ведь вокруг селений и кумирен // Змеятся горы, как драконы»* [Иванов, 1921б, – № 137, с. 2]. Антитеза черного и белого передает драматизм противостояния разрушительного Запада и созидательного Востока: *«Здесь страх пред будущим излишен, // Здесь серебристой ширмой Запад // Еще чеканит черную лапу // Душистых, крупных, белых вишен»* [Иванов, 1921б, – № 137, с. 2]. Лирический герой стихотворения транслирует близкий автору жизнеутверждающий пафос, свойственный древней и мудрой культуре Китая: *«И слушая тысячелетий // невнятный, но понятный голос, // Они, доверчивые дети, // Выращивают пышный колос»* [Иванов, 1921б, – № 137, с. 2].

Вс. Н. Иванов в своем поэтическом дискурсе одним из первых обратился к вопросам японской культуры и литературы. Написанный верлибром, в котором экспериментировали русские символисты Серебряного века, цикл Вс. Н. Иванова «Японские стихи» близок традиционной силлабической форме японской поэзии, где ритмика создается на основе чередования определенного количества слогов. Цикл, в котором Вс. Н. Иванов продолжил знакомить читателя-соотечественника с малознакомым миром востока, включает шесть катренов, посвященных основным стихиям жизни. Названия стихов этого цикла через историко-культурную символику японской культуры (очарование вещей, красота одинокой печали, сокровенная красота), сложные ассоциации и словесную игру отражают философско-эстетические идеалы культуры Востока. В этих стихах автор открывает для себя и своих соотечественников особенности японской эстетики, поэтики, мировосприятия с его приоритетом мирозерцания.

В первом стихотворении Вс. Н. Иванова («Слива») символика цвета (голубое и лиловое) олицетворяет утро и весну, пробуждение дня и природы, воплощает один из ведущих флористических образов японской культуры и литературы, олицетворяющий женское начало мира:

*Белые цветы, как бабочки на тонких ветках,
<...>*

*Фарфоровая Луна на зеленом небе.
Слива цветет* [Иванов, 1921в, – № 137, с. 1].

Поэтический дискурс этих стихов заключает в себе ассоциативное послевкусие: глубокий отзвук поэзии затихает не сразу, оставляя, словно круги на воде от брошенного камня, отдаленные эмоционально-семантические эффекты. Талант дорожить красотой мгновения, как особенность японского менталитета, воплощенного в искусстве Японии, находит свой отклик в стихах Вс. Н. Иванова, обнажая в лирическом герое-россиянине общие корни с культурой Востока.

В культуре японцев о чувствах, как сокровенном, открыто и прямо не говорится. В стихах о любви превалирует ассоциативный контекст, содержащий недосказанность, незавершенность, сердечный отзвук. В стихотворении Вс. Н. Иванова «Любовь» создается дискурс, запечатлевающий картину мирозерцания с преобладанием изобразительного ряда, через ассоциации отражающую внутренний мир лирического героя, интегрирующего в себе особенности русского и восточного менталитета.

Главные стихии природы, вечные ценности человеческой жизни и культуры Востока являются концептуальными темами других стихов этого цикла Вс. Н. Иванова («Красота» – ценность прекрасного в жизни человека; «Носильщики» – значимость темы труда; «Ветер» – тема природы).

В шанхайском журнале «Врата» в 1934 г., уже в эмиграции, были опубликованы стихи Вс. Н. Иванова «Сумерки» и «Харчёвка», в которых автор-евразиец углубляет поэтический дискурс художественного изучения темы Востока, воссоздавая подробные детали жизни и быта на Востоке. Пейзажные и бытовые зарисовки, интегрируя в себе быт и бытие, высокое и приземленное, утилитарное, обретают философское звучание. Высоко поэтические, передающие всю палитру красок начальные строки «Сумерек» (*«Из голубого в палевый // Спустился цвет небес. // Опаловый, эмалевый // На нем горы отвес. // Изогнутое дерево // Прорисовала кисть»* //), соединяясь с образами реальной трудовой жизни человека Востока, воссоздают картину незатейливого быта и уклад жизни китайских крестьян (*«Лазорево и хмелево // В полях дымки свились. // И близко над оврагами // Из глины битый дом // Уж светится бумагою // Заклеенным окном»*) [Иванов, 1934, – № 1, с. 10]. Эмигрантская критика не раз отмечала особенности стиля писателя Вс. Н. Иванова, тяготеющего к детально точному воссозданию картин жизни и быта, подробному описанию предметов и явлений действительности, дискурсивно наполняющими художественный текст философичностью в передаче тончайших нюансов восточного национального менталитета, близкого россиянину.

Поэтический текст стихотворения «Харчёвка» отражает, начиная с заголовка, реальный быт и жизненный уклад человека на Востоке с его разносторонними радостями духовной и плотской жизни, художественное исследование мира чувств и переживаний эмигранта в Китае, пережившего огонь и кровь Гражданской войны в России: *«В фарфоровом тазу при входе стынет кровь; // Кругом лежит рубиновое мясо»* [Иванов, 1935, – № 2, с. 14]. Различия мировосприятия лириче-

ского героя, эмигранта, и человека восточной культуры Иванов передает через глагольную антитезу («танцует и гудит»). Мирозерцание, уравновешенность восточного менталитета передается через характерные эпитеты («меланхоличный», «томный», «круглый»), которые отражают особенности восточной культуры с ее приоритетом гармонии всего живого и сущего: «*Огонь под очагом танцует и гудит, // Кот изгибается в меланхоличной лени...*» [Иванов, 1935, – № 2, с. 14].

Поэтический дискурс Вс. Н. Иванова 1920–1930-х годов в освещении темы Востока, его философии и культуры существенно дополняет корпус отечественной ориентальной поэзии, обогащая его новыми образами, интегрированными в новую социокультурную реальность. Сопряженный с лирическим и публицистическим началом, поэтический дискурс изучаемого автора высоко художественно и достоверно, через призму творческой индивидуальности писателя-евразийца способствует воссозданию полной и художественно правдивой картины исторического пути России в социокультурном контексте эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бицилли, П. Всеволод Иванов. «Мы» / П. Бицилли // Современные записки. – Париж. – 1926. – № 29. – С. 493–495.

Иванов, Вс. Н. Амбир / Вс. Н. Иванов // Русское обозрение. – Пекин. Харбин. – 1921. – № 1–2. – С. 154.

Иванов, Вс. Н. Голубой дракон / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1921а. – № 137. – С. 2.

Иванов, Вс. Н. Дело человека: Опыт философии культуры / Вс. Н. Иванов – Харбин, 1933. – 362 с.

Иванов, Вс. Н. Демократия / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1921. – № 116. – С. 2.

Иванов, Вс. Н. Исход: Повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов // Дальний Восток. – Хабаровск. – 1995. – № 1. – С. 10–86.

Иванов, Вс. Н. Китайцы / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1921б. – № 137. – С. 3.

Иванов, Вс. Н. Междоусобие / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1921. – № 31. – С. 3.

Иванов, Вс. Н. Минуты роковые: Повествование о времени и о себе / Вс. Н. Иванов // Дальний Восток. – Хабаровск. – 1993. – № 11. – С. 42–78.

Иванов, Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1926. – 372 с.

Иванов, Вс. Н. Петропавловск / Вс. Н. Иванов // Вперёд. – Омск. – 1919. – № 115. – С. 3.

Иванов, Вс. Н. Рерих – художник-мыслитель / Иванов Вс.Н., Голлербах Э. – Рига, 1939. – 78 с.

Иванов, Вс. Н. Сонеты / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1930. – 32 с.

Иванов, Вс. Н. Сумерки / Вс. Н. Иванов // Врата. – Шанхай. – 1934. – № 1. – С. 10–11.

Иванов, Вс. Н. Группы / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1922. – № 213. – С. 2.

Иванов, Вс. Н. Углич / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1922. – № 286. – С. 3.

Иванов, Вс. Н. Философия Владимира Соловьёва / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1931. – 18 с.

Иванов, Вс. Н. Харчёвка / Вс. Н. Иванов // Врата. – Шанхай. – 1935. – № 2. – С. 14.

Иванов, Вс. Н. Японские стихи / Вс. Н. Иванов // Русский край. – Владивосток. – 1921в. – № 137. – С. 1.

Ковалев, П. А. Постмодернистские течения в русской поэзии и специфика современного литературного процесса / П. А. Ковалев. – Орел: Изд-во ОГУ, 2013. – 243 с.

Ковальчук, И. Ю. Художественная концепция истории в сонетах Вс. Н. Иванова / И. Ю. Ковальчук // Вестник ТОГУ. – 2012. – № 2. – С. 297–306.

Несмелов, А. И. Всеволод Иванов. «Сонеты» (Харбин, 1929) / А. И. Несмелов // Записки Гродековского музея. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2008. – Вып. 21. – С. 11–14.

Окно: Литературно-художественный ежемесячник. – Харбин. – 1920. – № 1. – С. 3–14.

Штерн, О. О дальневосточных писателях / О. Штерн // Багульник. – Харбин. – 1931. – Кн. 1. – С. 184–185.

REFERENCES

Biczilli, P. Vsevolod Ivanov. «My» / P. Biczilli // Sovremenny'e zapiski. – Parizh. – 1926. – № 29. – S. 493–495.

Ivanov, Vs. N. Ampir / Vs. N. Ivanov // Russkoe obozrenie. – Pekin. Kharbin. – 1921. – № 1–2. – S. 154.

Ivanov, Vs. N. Delo cheloveka: Opy't filosofii kul'tury` / Vs. N. Ivanov – Kharbin, 1933. – 362 s.

Ivanov, Vs. N. Demokratiya / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1921. – № 116. – S. 2.

Ivanov, Vs. N. Goluboj drakon / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1921a. – № 137. – S. 2.

Ivanov, Vs. N. Filosofiya Vladimira Solov`eva / Vs. N. Ivanov. – Kharbin, 1931. – 18 s.

Ivanov, Vs. N. Iskhod: Povestvovanie o vremeni i o sebe / Vs. N. Ivanov // Dal'nij Vostok. – Khabarovsk. – 1995. – № 1. – S. 10–86.

Ivanov, Vs. N. Kharchyovka / Vs. N. Ivanov // Vrata. – Shankhaj. – 1935. – № 2. – S. 14.

Ivanov, Vs. N. Kitajczy` / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1921b. – № 137. – S. 3.

Ivanov, Vs. N. Mezhdousobie / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1921. – № 31. – S. 3.

Ivanov, Vs. N. Minuty` rokovy`e: Povestvovanie o vremeni i o sebe / Vs. N. Ivanov // Dal`nij Vostok. – Khabarovsk. – 1993. – № 11. – S. 42–78.

Ivanov, Vs. N. My`: Kul`turno-istoricheskie osnovy` russkoj gosudarstvennosti / Vs. N. Ivanov. – Kharbin, 1926. – 372 s.

Ivanov, Vs. N. Petropavlovsk / Vs. N. Ivanov // Vperyod. – Omsk. – 1919. – № 115. – S. 3.

Ivanov, Vs. N. Rerikh – khudozhnik-my`slitel` / Ivanov Vs.N., Gollerbakh E`. – Riga, 1939. – 78 s.

Ivanov, Vs. N. Sonety` / Vs. N. Ivanov. – Kharbin, 1930. – 32 s.

Ivanov, Vs. N. Sumerki / Vs. N. Ivanov // Vrata. – Shankhaj. – 1934. – № 1. – S. 10–11.

Ivanov, Vs. N. Trupy` / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1922. – № 213. – S. 2.

Ivanov, Vs. N. Uglich / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1922. – № 286. – S. 3.

Ivanov, Vs. N. Yaponskie stikhi / Vs. N. Ivanov // Russkij kraj. – Vladivostok. – 1921. – № 137. – S. 1.

Kovalev, P. A. Postmodernistskie techeniya v russkoj poe`zii i specifikacija sovremennogo literaturnogo proczessa / P. A. Kovalev. – Orel: Izd-vo OGU, 2013. – 243 s.

Koval`chuk, I. Yu. Khudozhestvennaya koncepcziya istorii v sonetakh Vs. N. Ivanova / I. Yu. Koval`chuk // Vestnik TOGU. – 2012. – № 2. – S. 297–306.

Nesmelov, A. I. Vsevolod Ivanov. «Sonety» (Kharbin, 1929) / A. I. Nesmelov // Zapiski Grodekovskogo muzeya. – Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj kraevedcheskij muzej im. N. I. Grodekova, 2008. – Vy`p. 21. – S. 11–14.

Okno: Literaturno-khudozhestvenny`j ezhemesyachnik. – Kharbin. – 1920. – № 1. – S. 3–14.

Shtern, O. O dal`nevostochny`kh pisatelyakh / O. Shtern // Bagul`nik. – Kharbin. – 1931. – Kn. 1. – S. 184–185.